[1] См.: Копцік Ю. «…учредить в белорусском городе Орше высшее учебное заведение» // Беларуская мінуўшчына. 1996. № 5. С. 34–35; Стрельцов П. О. О высшем учебном заведении в Северо-Западном крае. Витебск, 1901; Пічэта У. І. Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым. Мінск, 1991; Красовский Н. И. Высшая школа Советской Белоруссии. 2-е изд. Минск, 1972. С. 29.

[2] См.: Самусік А. Ф. Праекты арганізацыі ліцэяў на Беларусі ў першай палове XIX стагоддзя // Адукацыя і выхаванне. 1996. № 10. С. 26–30; Он же. Ліцэі на Беларусі ў першай палове XIX стагоддзя: праекты і рэчаіснасці // Научно-исследовательская и методическая работа в средних и высших учебных заведениях: проблемы, поиски, решения. Минск, 1997. С. 107–110; Касмылёў В. С. Да гісторыі вышэйшых навучальных устаноў на Беларусі // Наш радавод. Гродна, 1991. Кн. 3. Ч. 2. С. 347–351.

[3] См.: Государственный исторический архив Литвы (ГИАЛ). Ф. 567. Оп. 2. Д. 2255. Л. 250 об., 251 об.

[4] Там же. Л. 252 об., 256.

[5] См.: Киселев А. А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. Минск, 2007. С. 84.

[6] ГИАЛ. Ф. 567. Оп. 2. Д. 2255. Л. 262.

[7] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 66. Д. 6. Л. 308.

[8] См.: Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 3157. Оп. 1. Д. 9. Л. 18 об.

[9] См.: Виттекер Ц. Х. Граф С. С. Уваров и его время. СПб., 1999. С. 219.

[10] См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 81. Л. 8–10.

[11] Там же. Л. 10 об.

[12] Там же. Л. 114–114 об.

[13] Там же. Л. 115–115 об.

[14] Там же. Л. 124.

[15] Там же. Л. 127.

[16] НИАБ. Ф. 3157. Оп. 1. Д. 161. Л. 145 об.

[17] РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 81. Л. 230–254 об.

[18] Там же. Л. 244.

[19] См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. 1825–1839. 2-е изд. СПб., 1875. С. 554–560.

[20] См.: Рождественский С. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб., 1902. С. 232.

[21] См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 81. Л. 255–259.

[22] См.: Сборник постановлений... С. 752–753.

Поступила в редакцию 16.02.12.

Людмила Михайловна Игнатовец – аспирантка кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени В. А. Теплова.

Т. Г. ЛЮБАВИНА

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕТСКИХ ДОМОВ В БССР (1954–1964)

Посвящена проблемам материального обеспечения детских домов БССР в период с 1954 по 1964 г. Рассматриваются условия проживания воспитанников, уровень обеспечения детских домов необходимыми промышленными товарами и техническими средствами. Анализируется деятельность государственных органов по развитию и реформированию системы снабжения детских домов промышленной продукцией.

The article is sanctified to the problems of the material providing of child's houses of BSSR in a period from 1954 to 1964. The terms of residence of pupils, level of providing of child's houses the necessary manufactured goods and technical equipment, are examined. Activity of public organs is analyzed on development and reformation of the system of providing of child's houses with industrial products.

Материальное обеспечение детей-сирот и создание благоприятных условий для их жизни, развития и воспитания всегда являлось первостепенной задачей для советского правительства. В период с 1954 по 1964 г. заметно расширились социальные гарантии в области детства, что оказало немалое влияние на работу детских домов. Совет Министров и Министерство просвещения БССР взяли курс на реализацию программы по совершенствованию системы обеспечения детей, находящихся под опекой государства.

Одним из важнейших направлений курса стало укрепление материальной базы детских домов и создание комфортабельных условий проживания. Решение данной задачи предполагало увеличение жилой площади детских домов, проведение капитального ремонта, строительство новых зданий. Почти во всех детских домах республики остро стояла проблема нехватки жилой площади. Она возникла еще в первое послевоенное десятилетие, когда тысячи детей потеряли родителей и пополнили контингент воспитанников детских домов. В результате детские учреждения оказались переполненными. Ситуация с течением времени постепенно менялась в лучшую сторону (строились новые здания детских домов, большое количество детей было принято на воспитание в семьи), но к середине 1950-х гг. проблема не была окончательно решена.

С 1954 г. процесс расширения жилой площади детских домов значительно ускорился. Причиной тому в первую очередь было сокращение контингента детей (например, в том же году около 5000

воспитанников-переростков были трудоустроены), а также укрупнение ряда детских домов[1]. В среднем жилая площадь на одного ребенка увеличилась с 2,5 до 4 м². Во многих детских домах были построены спальные и учебные корпуса, столовые, клубы, библиотеки, бани, овощехранилища, гаражи и т. д. Строительство велось главным образом за счет доходов с подсобных хозяйств и средств, отпускаемых на текущий или капитальный ремонт. В ряде случаев окончание начатых объектов тормозилось недостатком средств и отсутствием необходимого количества строительных материалов, в основном кровли, цемента, леса, кирпича и сантехнического оборудования[2].

Несмотря на значительные успехи в деле расширения жилой площади, в начале 1960-х гг. в республике все еще оставались детские дома, где наблюдалась значительная скученность и на одного ребенка приходилось не более 1,5 м². Нехватка жилых и функциональных помещений сказывалась на качестве жизни детей, вызывала определенные неудобства. Например, в Мозырском детском доме № 1, Речицком № 4, Ереминском и др. отсутствовали умывальные и гардеробные комнаты, комнаты для организации досуга детей. В Крупском, Оршанском, Суражском, Скидельском детских домах столовые были очень маленькие по площади и детям приходилось принимать пищу в две-три смены. Небольшая площадь учебно-производственных мастерских не позволяла организовать трудовое обучение в полном объеме в соответствии с программными требованиями[3]. Отдельные детские дома располагались в наемных помещениях, за аренду которых ежегодно приходилось платить немалые средства (в среднем 21 000 руб. в год)[4].

Указанные недостатки были все же частными случаями, нежели закономерностью. Помещения детских домов в основном соответствовали санитарным нормам, в них соблюдались порядок и чистота. Кроме того, в здания постепенно внедрялись технические достижения. К 1964 г. все дома были электрифицированы, постепенно производилась замена печного отопления центральным (паровым), строились водопроводы, внедрялось радиовещание и телефонная связь. Регулярно осуществлялся текущий ремонт жилых, надворных и хозяйственных построек, зачастую силами воспитанников и работников детских домов. Немалое внимание уделялось и эстетическому направлению. Во многих детских домах были благоустроены приусадебные участки: разбиты цветочные клумбы, произведено озеленение, расчищены дорожки.

Работа в зимних условиях была особым периодом в жизни детских домов, успешность которого зависела от наличия достаточного количества топлива, зимней одежды и обуви, теплых постельных принадлежностей, заготовленных продуктов питания. Абсолютное большинство детских домов из года в год все лучше были подготовлены к зимнему периоду. Топливо закупалось своевременно и на весь отопительный период, вовремя подготавливались жилые и учебные помещения, в достаточном количестве заготавливались овощи и картофель. И все же в республике встречались детские дома, которые недостаточно хорошо были готовы к зимнему периоду. Так, в 1959 г. в Мештовичском детском доме Гродненской области и Раковском – Молодечненской области из-за отсутствия достаточного количества топлива в январе – марте не отапливались столовые, в результате чего детям пришлось принимать пищу в верхней одежде[5]. Причины подобных ситуаций зачастую носили субъективный характер: администрация учреждения не позаботилась о своевременной закупке топлива, теплых вещей, заготовке припасов, утеплении помещений и т. д.

Процесс поставок в детские дома осложняло отсутствие в ряде случаев автотранспорта. Автопарк был крайне беден и представлен в основном устаревшими, часто неисправными моделями марки ГАЗ-АА, «Форд», «Додж 3/4», которые подлежали списанию. Это ставило под угрозу своевременное проведение ремонта, обеспечение детских домов топливом и завоз продукции. Топливо приходилось завозить за 60–120 км, так как много детских домов располагались на далеком расстоянии от районных и областных центров, где находились снабженческие организации. 12 июля 1956 г. Совет Министров БССР издал распоряжение, в соответствии с которым категорически запрещалось использовать автомашины детских домов на работах, не связанных с обслуживанием детей. Распоряжение тем не менее неоднократно нарушалось райисполкомами и РК КПБ, которые периодически мобилизовали автомашины детских домов на вывозку леса, зерна и других видов заготовок.

В результате в Мстиславском, Столинском, Светиловичском, Адампольском, Телушском и других детских домах автомашины марки ГАЗ-51 за три года были полностью выведены из строя, так как в самих детских домах они находились считанные дни, а остальное время активно использовались по заданию РК КПБ и райисполкомов. В 1957 г. в 82 детских домах республики отсутствовали автомашины. В 1958 г. детским домам было выделено 32 автомашины марки ГАЗ-51[6]. Распоряжением Совета Министров БССР от 6 мая 1958 г. было разрешено облисполкомам и Белкоопсоюзу продать детским домам 27 автомашин из фонда, предназначенного для продажи колхозам. Единственным недостатком было то, что облисполкомы затягивали выполнение данного распоряжения[7]. Тем не менее в 1957–1958 гг. детские дома получили 96 автомобилей марки ГАЗ-21, что значительно улучшило ситуацию[8].

В плане оснащенности мебелью и предметами быта большинство детских домов было обеспечено кроватями, столами, стульями, шкафами, кухонной посудой. Однако в отдельных случаях наблюдалась нехватка кроватей, столов для детей младшего возраста, стульев в спальных комнатах, книжных шкафов. Усложнялось положение и тем, что для полного укомплектования мебелью были необходимы большие денежные средства. Только для детских домов Брестской области в 1954–1955 гг. требовалось 700 тыс. руб.[9] Кухонная посуда также нередко являлась дефицитом. В ходе проверки детских домов Гомельской области была выявлена нехватка кухонной и столовой посуды. Из-за отсутствия фарфоровых кружек детям приходилось пить из стаканов; некоторые из них были в полуразбитом состоянии, с выщербленными краями, что представляло серьезную опасность для здоровья[10]. Это было обусловлено тем, что торгующие организации не имели в продаже необходимой мебели и кухонных принадлежностей. Приобретение товаров зависело не только от суммы выделяемых государством средств, но и от так называемых лимитов на продажу. Торговые базы могли продать детским домам лишь то количество товаров, которое было предусмотрено по плану. В 1958 г. сложилась неудовлетворительная ситуация с обеспечением детских домов мебелью, так как лимиты, выделенные на продажу жесткого инвентаря по безналичному расчету, оказались крайне недостаточными. Министерство просвещения было вынуждено обратиться с просьбой в Совет Министров БССР о выделении дополнительного лимита на продажу детским домам мебели, которая впоследствии была удовлетворена.

Улучшению положения с оснащенностью мебелью способствовала и целенаправленная воспитательная работа, проводимая в детских домах республики по привитию детям навыков бережного отношения к сохранности имущества. Большую часть мебели дети с помощью инструкторов чинили в производственных мастерских, благодаря чему исчезла необходимость ежегодного приобретения мебели и появилась возможность значительно сократить расходы.

Сложнее всего обстояло дело с приобретением бытовой техники (стиральных машин, холодильных установок, картофелечисток, электрических мясорубок). Госплан постоянно отказывал Министерству просвещения в выделении этих бытовых приборов, мотивируя отсутствием на них фондов[11].

Периодически возникала проблема с обеспечением воспитанников детских домов одеждой и обувью (особенно зимней). Не хватало валенок, зимних пальто, обуви, головных уборов. Это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, сказывалось низкое качество изготовления одежды. Например, ботинки, согласно нормам, воспитанники должны были носить восемь месяцев, а реальный срок носки составлял четыре-пять месяцев. Во-вторых, ежегодно из детских домов выводилось большое количество воспитанников на трудоустройство и на учебу. Это, в свою очередь, было связано с дополнительными расходами средств. Например, по народно-хозяйственному плану в 1957 г. был предусмотрен вывод 3000 воспитанников-переростков из детских домов, и в соответствии с этой цифрой выделялись средства на приобретение одежды. В результате же было выведено 4038 воспитанников и, следовательно, пришлось за счет средств, предусмотренных на основной контингент воспитанников, обеспечить дополнительно 1038 чел. Чтобы выдать всю полагающуюся по инструкции одежду, в среднем нужно было израсходовать дополнительно 800 руб. на каждого трудоустраиваемого воспитанника. Не выделялись дополнительные фонды и на содержание детей-переростков[12].

Ежегодно большое количество воспитанников, обучающихся в средних специальных учебных заведениях, нуждались в оказании систематической материальной помощи, так как на стипендию в размере 140–160 руб. им трудно было прожить. Бывшие воспитанники приезжали обратно на время каникул в учебных заведениях, и детские дома брали их на попечение. Более того, верхнего обмундирования, нательного белья и обуви, выданных детям при выводе из детдома на учебу, на все 4 года учебы не хватало, и руководители детских домов в силу необходимости обменивали им белье, обувь, верхнюю одежду. На эти нужды также не были предусмотрены средства по бюджету. Все это отрицательно сказалось на обеспечении воспитанников одеждой и обувью[13].

С конца 1950-х гг. начался процесс постепенного реформирования системы обеспечения детских домов промышленными товарами. В 1958 г. функции снабжения детских домов мягким и жестким инвентарем были переданы Главснабсбыту Совнархоза БССР. Однако значимых положительных изменений не произошло. Руководство многих детских домов жаловалось, что базы снабжения Облснабсбыта не имели в достаточном количестве детской одежды, посуды, обуви, была плохо организована продажа товаров со склада, отпускаемые одежда и обувь были низкого качества. Исходя из фактов, можно сделать вывод, что базы снабжения не были заинтересованы в оказании помощи в продаже товаров для детских домов. Возможно, предоставляемые товары и были низкого качества лишь потому, что базы пытались избавиться от некачественной продукции путем ее продажи детским домам.

Следующим этапом преодоления ситуации было назначение Облснабсбытами работников, которые целенаправленно занимались обеспечением воспитанников вещевым довольствием. Также были созданы специальные склады по обслуживанию детских домов. Данные меры способствовали лучшей организации процесса материального обеспечения детских домов, но не решили другие не менее важные проблемы. Стоимость зимней одежды оставалась высокой. Средняя цена пальто составляла 600–700 руб. Платья для девочек-воспитанниц детских домов доставались плохих фасонов и некрасивых расцветок. На базах зачастую не хватало или отсутствовали необходимые размеры. Кроме того, материалы для пошива одежды на месте не предоставлялись[14].

Из-за дефицита и недостатка средств детские дома перешли на строгий учет одежды и обуви. По указаниям Министерства финансов БССР мягкий и жесткий инвентарь по мере поступления в детский дом подлежал нумерации и штамповке, стертая штамповка должна была обновляться. Одежду и обувь разрешалось выписывать по требованию воспитателей через бухгалтерию с занесением имущества на лицевой счет и в карточку воспитанника. Во многих детских домах были приведены в порядок и построены новые складские помещения. Такая процедура хранения и распределения способствовала сохранению одежды и обуви, более бережному отношению к ней. Помимо того, в некоторых детских домах воспитанники старших классов производили самостоятельный пошив верхней одежды, постельного белья и т. п. В конечном итоге удалось практически преодолеть недостаток одежды и обуви. В среднем на одного воспитанника приходилось по два-три комплекта нательного белья и верхней одежды. Дети были снабжены также выходной одеждой и школьной формой[15].

Материальная база детских домов во многом зависела и от добросовестности выполнения служебных обязанностей администрацией и материально ответственными работниками. За рассматриваемый период во время ревизий и проверок неоднократно были выявлены случаи хищения материальных ценностей и незаконного присвоения финансовых средств, недостачи одежды, обуви, жесткого инвентаря[16]. Хищения денежных и материальных средств негативно сказывались на качестве жизни детей. Однако органы государственного контроля постоянно и эффективно боролись с преступлениями подобного рода.

Таким образом, в детских домах БССР в 1954–1964 гг. были созданы благоприятные условия для жизни воспитанников. Постоянно велась работа по строительству, ремонту и благоустройству жилых и учебных помещений.

Государственные органы, в частности Совет Министров и Министерство просвещения БССР, непрерывно вели работу, направленную на совершенствование системы снабжения детских домов необходимой продукцией и техническими средствами. Реформирование системы снабжения детских домов промышленными товарами было направлено на формирование регулярных и стабильных поставок продукции в детские дома.

Детские дома полностью находились на государственном финансировании и обеспечении. Однако выделяемых средств не всегда было достаточно для реализации строительных и ремонтных проектов или для покупки мебели и одежды. В связи с этим нередко практиковалось привлечение средств, получаемых за счет продажи продукции с приусадебных участков.

В условиях дефицита и высоких цен на промышленные товары в детских домах была введена система строгого учета и хранения одежды и обуви, а также предприняты меры по сохранности и ремонту жесткого инвентаря. Все это позволило значительно сократить расходы по закупкам новых товаров.

Несмотря на наличие определенных недостатков, работа по материальному обеспечению воспитанников детских домов находилась на достаточно высоком уровне, постоянно совершенствовалась и являлась одним из приоритетных направлений социальной политики государства.

[1] См.: Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 42. Оп. 4. Д. 586. Л. 2.
[2] См.: НАРБ. Ф. 42. Оп. 5. Д. 275. Л. 5.
[3] Там же. Л. 5–6.
[4] См.: НАРБ. Ф. 42. Д. 586. Л. 2.
[5] См.: НАРБ. Ф. 42. Оп. 5. Д. 275. Л. 6.
[6] См.: НАРБ. Ф. 42. Оп. 5. Д. 453. Л. 56–57.
[7] Там же. Л. 268.
[8] См.: НАРБ. Ф. 42. Оп. 5. Д. 275. Л. 21.
[9] См.: НАРБ. Ф. 42. Оп. 4. Д. 586. Л. 3.
[10] См.: НАРБ. Ф. 42. Оп. 4. Д. 594. Л. 5.
[11] См.: НАРБ. Ф. 42. Оп. 5. Д. 453. Л. 273.
[12] См.: НАРБ. Ф. 42. Оп. 4. Д. 594. Л. 55–56.
[13] См.: НАРБ. Ф. 42. Оп. 4. Д. 588. Л. 167.
[14] См.: НАРБ. Ф. 42. Оп. 5. Д. 453. Л. 271–272.
[15] См.: НАРБ. Ф. 42. Оп. 5. Д. 445. Л. 275–276.
[16] См.: НАРБ. Ф. 42. Оп. 4. Д. 594. Л. 325–327.

Поступила в редакцию 17.04.12.

Татьяна Григорьевна Любавина – аспирантка кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени В. К. Коршук.